

Весь процесс прошёл практически беззвучно.

Четвёртый не издавал ни звука. Он лишь из соображений драконьего гуманизма не хотел разбудить остальных четверых. Уж точно не потому, что у двоих из них по утрам был ужасный характер и он мог получить по шее!

Лун Чэньсы со злостью сжал свои маленькие кулачки. Ждите, пока я достигну совершеннолетия...

Сыту Тянь слегка вздрогнул, почувствовав прикосновение маленьких холодных рученок к своему лбу.

Четвёртый с трудом поднялся на цыпочки и, наконец, пока личико не покраснело от натуги, смог дотянуться до лба своего папы. Кожа была гладкой, температура — обжигающей, но для ребёнка, замёрзшего до посинения и онемевших от холода конечностей, это было невероятно привлекательно.

Так тепло! Руки просто не хотели опускаться!

Поведение малыша заставило Сыту Тяня вспомнить своего младшего брата Сыту Цяо. В сердце разлилось тепло, но с ним пришла и бесконечная грусть.

Смогу ли я когда-нибудь снова увидеть своих братьев...

— Замёрз? Хочешь подняться и немного поспать? — спросил Сыту Тянь. Как ни крути, теперь это считался его сын.

Маленькую ладошку бережно охватила большая рука, тёплое прикосновение заставило глаза ребёнка мгновенно загореться. Неужели это можно?

— Хочу! — тут же поспешил он с ответом.

— Нельзя! — мальчик в очках, который, казалось, возник из ниоткуда, привычным жестом поправил оправу на носу. На его круглом лице появилась серьёзность и зрелость, не соответствующие возрасту, хотя огромный свитер, сползающий до пола, делал очкарика похожим на забавного малыша, старательно изображающего взрослого. — Папа болен, не мешай ему отдыхать!

Он говорил с полной серьёзностью! Но папа...

Мальчик провёл рукой по виску, где вздулась вена, и в душе начал промывать себе мозги — это всего лишь обращение, просто обращение! Оно ровным счётом ничего не значит!

— Но... — Лун Чэньсы с досадой прикусил розовые губы. Кто захочет спать, прижавшись в углу в такой холод? Моя задница уже онемела до боли!

Неважно, драться ли за одеяло, спорить или просто наброситься на них, он всегда оказывался в проигрыше. Лун Чэньсы давно это осознал.

Так что... Я не буду с тобой сражаться, ведь здесь же есть «папа», верно?

— Папа! — ребёнок, кипящий от злости внутри, резко повернулся, и в глазах уже скопилась влажность. Он жалко набрал в грудь воздуха, прикусил губу так, что они покраснели, и заставил уголки глаз увлажниться.

Мастерская игра, не надо объяснять!

— Папа... У-у-у... Так хочу спать с папой!

Сюн Мао, мальчик в очках, скривился. Этот позор без границ...

— Ладно, полезай, — Сыту Тянь улыбнулся, глядя на милые мордашки детей. Он с трудом, но поднял пухлого мальчика на жёсткую кровать, быстро укутал тонким одеялом и по пути ущипнул за щёчки.

Эта привычка осталась у него с тех пор, как он заботился о младшем брате.

Затем его взгляд упал на другого мальчика. В таком малом возрасте он уже носил очки. Не поздно ли сейчас отвести его в больницу для коррекции зрения?

— Ты тоже полезай, — сказал он, протягивая руки к очкарику. Нельзя было кого-то выделять.

Он занял тело отца этих детей, и от ответственности было не деться.

Всё остальное — потом.

Лун Чэньсы опешил. Сюн Мао тоже.

Когда они пришли в себя, они уже сидели плечом к плечу, тесно прижавшись друг к другу, в объятиях худощавого мужчины. Тонкое одеяло почти полностью укрывало их. Мужчина, должно быть, замёрз, но его улыбка казалась такой тёплой.

— Ты... — под неровной чёлкой скрывались сложные взгляды детей.

Этот мужчина...

Сыту Тянь мягко похлопал их по спинкам, успокаивая, а потом обратился к трем другим малышам, которые уже проснулись в углу:

— Подходите и вы сюда.

Трое детей застыли, никто не шевелился.

Словно заранее зная такую реакцию, Сыту Тянь лишь улыбнулся. Устроив двух на кровати, он в тапочках отправился ловить остальных трёх.

Сначала он укутал их одеялом, потом добавил плед и, наконец, довольно кивнул. Хотя для тепла этого было недостаточно, но всё же лучше, чем ютиться в углу.

Пятеро детей почти полностью заняли кровать, но он не обращал внимания на то, что ему самому негде лечь.

— Папа, а ты? — невольно вырвалось у Лун Чэньсы.

— Я? Ха-ха, я спал весь день, так что больше не хочу спать. Почитайте ещё немного, пока рано, — физически Сыту Тянь был слаб, но бодрость духа присутствовала.

Продолжать болеть дальше было нельзя. Лучше бы достать какие-нибудь травы или спирт, на лекарства от простуды и кашля надеяться не приходилось.

— Папа...

— Мм? — Сыту Тянь повернулся к Лун Чэньсы, который выглядел очень страдающим. — Что? Я вас разбужу, когда будем есть.

— Нет, па... Ой, больно! Проклятая панда, хватит щипать!

Увидев, что ребёнок побледнел, Сыту Тянь остановился:

— Хочешь в туалет?

Лун Чэньсы резко выпрямился. Ещё немного, и он бы действительно описался. Но:

— Нет, ой... Кровать... — рушится!

Грохот! В комнате поднялось облачко пыли.

— Кх-кх-кх! — Сыту Тянь закашлялся, прищурился и, опираясь рукой на неровную чёрную стену, старался удержать равновесие своего слабого тела.

Это чувство бессилия очень легко вызывало раздражение.

Нет, нужно успокоиться.

Комната и без того была небольшой, а теперь повсюду летали деревянные щепки, делая воздух в помещении мутным. Сыту Тянь, которого мучила сильная простуда, с трудом сделал пару вдохов, а потом, не выдержав, побежал открывать окно.

Холодный воздух врвался внутрь, но дышать стало легче.

— Фух... Сынок? — Сыту Тянь закрыл глаза и с силой помял виски, пытаясь подавить накатывающую головокружение.

Когда он закрывал окно, движения стали вялыми.

Сил совсем не было — очень неприятное ощущение.

— Кх-кх, папа, мы в порядке.

— Кх, хорошо, — услышав голоса детей, Сыту Тянь с облегчением прислонился к окну, закрыл глаза и начал медленно копить силы.

В это время пятеро малышей разного роста, поддерживая друг друга, уже встали и, переставляя короткие ножки, осторожно отдалялись от места происшествия. Разумеется, они не забыли забрать с собой тонкое одеяло и плед — на них была единственная надежда в плане тепла.

Единственная кровать в доме была уничтожена.

Впрочем, она была настолько ветхой, что жалеть её было не стоит, хотя уборка деревянных обломков обещала быть хлопотной.

Убедившись, что они покинули «опасную зону», маленькие фигурки быстро разошлись. Четверо из них уставились взглядами на Лун Чэньсы, который шмыгал носом, а глаза у него

были на мокром месте.

Первым заговорил Сюн Мао, второй по старшинству. Он поправил съехавшие очки и нарочно тихим голосом произнёс:

— Лун Чэньсы, ты в последнее время опять поправился.

Три дня без еды, а он всё равно набирает вес?

Невероятный метаболизм, заслуживающий дальнейшего изучения.

Лун Чэньсы зло посмотрел на него. Глаза у него всё ещё были красными, а на щеке блестела слеза. Он выглядел грозно, но голос его был не громким:

— Ты кто такой, чтобы меня учить!

Кто только что щипал мою задницу!

Третий в семье, Сы Лан, с мягкими кудрявыми серебристо-серыми волосами, сладко улыбнулся и тихим голосом прошептал:

— У маленького дракона попка всё так же чувствительна! Хе-хе-хе, как мило.

Милое личико с улыбкой развратного дядьки.

Эластичная, приятная на ощупь, стоит только ущипнуть пару раз — и он уже плачет. Четвёртый такой милый!

— Хм! Значит это ты, волосатый! — Лун Чэньсы взъерошил волосы, с силой вытер уголок глаза и в душе проклинал фатальную слабость драконов в юном возрасте.

Если бы не это, он, великий «огромный» дракон, не оказался бы в семье четвёртым.

Вы, все эти сволочи, ждите, пока я достигну совершеннолетия! Тогда я расправлюсь с вами, с капустой рубя!

Мечь дракона не знает сроков давности!

Я взрослею поздно, зато живу долго!

Именно так, иерархия в семье из пяти детей определялась не возрастом, а... боевой мощью.

И, к несчастью, за исключением пятого, который был склонен к уединению и жил в своём мире, Лун Чэньсы не мог справиться ни с одним из остальных троих.

<http://bllate.org/book/16785/1543494>